

Проф. С. Н. Булгаковъ.

I.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И РЕЛИГІЯ

(о противорѣчивости современнаго безрелигіознаго міровоззрѣнія).

II.

ВОСКРЕСЕНІЕ ХРИСТА

и современное сознаніе.

Печатня А.И. Снегиревой Москва.

1903.

364150
52

4044
29

Интеллигенція и религія.

(Рѣчь въ собраніи студентовъ и курсистокъ, устроенномъ Петербургскимъ христіанскимъ студенческимъ кружкомъ въ Соляномъ Городкѣ 27 января 1908 г.)¹⁾).

Мм. Гг.!

Приглашенный С.-Петербургской группой международной студенческой христіанской ассоціаціи выступить въ ея торжественномъ годичномъ собраніи съ тѣмъ, чтобы подѣлиться съ слушателями своими мыслями и чувствами по поводу современности, я долго колебался, прежде чѣмъ принять это приглашеніе. Мнѣ слишкомъ ясны были всѣ трудности, и внѣшнія и внутреннія, въ бѣгломъ и случайномъ чтеніи касаться великихъ и мучительныхъ вопросовъ жизни современной души, и если я послѣ борьбы съ собой преодолѣлъ это замѣшательство и это колебаніе, то потому, что я счелъ особеннымъ своимъ долгомъ отозваться на этотъ призывъ, какъ идущій непосредственно изъ среды студенчества, ибо духовное воздѣйствіе на наше студенчество и идейное соприкосновеніе съ нимъ было и остается для меня постоянной заботой и свѣтлой мечтой: болѣе плодотворной, хотя и болѣе трудной работы сейчасъ я не знаю. И если рѣчь моя является случайной по своему поводу, то она не такова по содержанію, ибо въ ней найдутъ выраженіе медленно и трудно складывавшіяся убѣжденія, то, что я считаю за истину въ результатѣ посильной научной работы, философскихъ размышленій и жизненнаго опыта, „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“. Нѣкоторымъ изъ васъ, можетъ быть, не безызвѣстенъ и по моимъ научнымъ и литературнымъ работамъ пережитой мною духовный переломъ, въ результатѣ котораго отъ атеистическаго міровоззрѣнія, опиравшагося на пзвѣстныя научныя и философскія послылки, провѣряя ихъ умомъ и сердцемъ, наукой и жизнью, отступая

¹⁾ Повторена въ Москвѣ, въ Историческомъ Музеѣ, 12 марта 1908 год

шагъ за шагомъ, я возвратился сознательно къ вѣрѣ дѣтскихъ дней, вѣрѣ въ распятаго Бога и Его Евангеліе, какъ къ полной, высочайшей и глубочайшей истинѣ о человѣкѣ и его жизни. Способъ усвоенія Евангельскаго ученія и путь къ нему исторически и индивидуально можетъ быть чрезвычайно различенъ: сынамъ нашего вѣка приходится преодолѣть особенно много препятствій, умственныхъ и нравственныхъ, для того, чтобы усвоить себѣ то, что открывается дѣтскому или простому, но чистому сердцу даромъ и, можетъ быть, полнѣе и чище, чѣмъ намъ. Христіанство не есть религія однихъ ученыхъ или философовъ, или только женщинъ, дѣтей и невѣжественной черни, какъ думаетъ полуобразованная толпа нашего времени, его всечеловѣчность и всенародность открывается больше всего въ томъ, что оно доступно въ мѣру вѣры, личнаго подвига и сердечнаго устремленія одинаково и глубочайшему философу и ребенку, Августину и пастуху, Канту или Гладстону и русскому крестьянину. Подъ корой внѣшняго человѣка, внѣшней дѣятельности и суеты каждый хранитъ частицу своей дѣтскости, изначальной божественной чистоты, о которой плачетъ чеховская героиня въ послѣдней его пьесѣ („О мое дѣтство, о, чистота моя!“) И это чувство глубже и потому могущественнѣе всѣхъ эмпирическихъ и историческихъ различій, ибо создается изъ мистическихъ корней души. Какъ переживаніе, оно дано въ религіозномъ опытѣ cadaго, кто ему не чуждъ, и тому не нужно объ этомъ рассказывать. Но въ то же время благодаря отсутствію религіозной жизни для нашей интеллигенціи это кажется столь чуждымъ, непонятнымъ, отвлеченнымъ. Можетъ быть, понятнѣе здѣсь окажется могучее слово и признаніе поэта, притомъ типичнаго поэта-интеллигента, съ больной, разъяденной жизненными противорѣчіями душой, родного нашего Некрасова, коего 30-лѣтнюю тризну мы праздновали на-дняхъ. Не всѣмъ, можетъ быть, памятли эти дивныя строки. Поэтъ описываетъ свое возвращеніе на родину и родныя впечатлѣнія. Я узнаю—пишетъ онъ:

Суровость рѣкъ, всегда готовыхъ
Съ грозою выдержать войну,
И ровный шумъ лѣсовъ сосновыхъ,
И деревушекъ тишину,
И нивъ широкіе размѣры...
Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
И дѣтски-чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья
И шепчетъ голосъ неземной:
„Лови минуту умиленья,
Войди съ открытой головой!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль.

Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храмъ воздыханья, храмъ печали—
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжеле стоновъ не слышали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неутолимой
Святое бремя приносилъ
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложить руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной“...
Я внялъ... Я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

Вотъ сліяніе интеллигенціи съ народомъ, полнѣе и глубже котораго нѣтъ. Но многіе ли изъ интеллигентовъ, читателей и почитателей Некрасова, склонялись предъ „этимъ скуднымъ алтаремъ“, соединяясь съ народомъ въ его вѣрѣ и его молитвѣ? Нѣтъ, немногіе. Скажу прямо: единицы. Масса же, почти вся наша интеллигенція отвернулася отъ простонародной „мужицкой“ вѣры, и духовное отчужденіе создалось между нею и народомъ. Мнѣ вспоминается по этому поводу одна случайная картинка изъ жизни второй Государственной Думы. Въ одинъ изъ весеннихъ солнечныхъ дней, когда во время думскаго засѣданія депутаты и журналисты прогуливались въ Таврическомъ саду, мое вниманіе привлекла собравшаяся группа нарядной петербургской публики изъ депутатовъ и газетныхъ сотрудниковъ, къ чему-то прислушивавшаяся и время отъ времени покатывавшаяся отъ смѣху: въ среднѣй толпы оказался забредшій туда Волынскій крестьянинъ, старикъ, съ чуднымъ и скорбнымъ лицомъ, съ характерной головой, съ которой можно было лѣпить статую апостола или писать икону. Прислушавшись, я понялъ, что старикъ рассказываетъ про какое-то бывшее ему видѣніе, въ которомъ Богъ послалъ его возвѣстить народнымъ представителямъ Свою волю. Рѣчь его была сумбурна, но всякій разъ, когда онъ возвращался къ своей миссіи и говорилъ о Богѣ, слова его покрывались дружнымъ смѣхомъ, а онъ кротко и терпѣливо, скорбя о смѣющихся господахъ, снова начиналъ свою повѣсть. Мнѣ было невыразимо грустно и больно наблюдать эту сцену, въ которой такъ ярко отразилась духовная трагедія новой Россіи, и я съ горечью отошелъ

и лишь издали долго видѣлъ благородную голову старика, ставшагося что-то разъяснить и убѣдить, и смѣющуюся толпу любопытныхъ. Впрочемъ, можетъ быть, я и не вполне точно воспроизвожу эту сцену, но такъ я ее тогда воспринялъ. „Не строимъ ли мы Вавилонскую башню“, тихо сказалъ мнѣ бывшій здѣсь же католическій священникъ-депутатъ.

Я не обманываю себя и теперь, и тоже чувствую себя отчасти въ положеніи думскаго старика. Всякому, кто въ наши дни передъ русской интеллигенціей рискуетъ говорить не о текущихъ, главнымъ образомъ, политическихъ дѣлахъ, а объ общихъ цѣляхъ жизни и религіозномъ смыслѣ ея, и кто, подобно мнѣ, видитъ его только въ христіанской религіи, тому приходится заранѣе имѣть противъ себя безличнаго, но могущественнаго и въ высшей степени реального противника въ *духъ времени*. Атмосфера безрелигіозности вообще отличаетъ новое время, особенно конецъ XVIII и XIX вѣкъ. Отличительныя черты нашей эпохи въ этомъ отношеніи съ неподражаемою силой и сжатостью переданы нашимъ поэтомъ-философомъ Тютчевымъ въ стихотвореніи „Нашъ вѣкъ“:

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человекъ отчаянно тоскуетъ.
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуетъ.
Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ
Невыносимое онъ днесъ выносить...
И сознаетъ свою погибель онъ,
И жаждетъ вѣры... но о ней не проситъ,
Не скажетъ вѣкъ съ молитвой и слезой,
Какъ ни скорбитъ передъ закрытой дверью:
„Впусти меня! Я вѣрю, Боже мой!
Приди на помощь моему невѣрью“!

Конечно, при общей характеристикѣ эпохи нельзя не дѣлать различія между разными странами европейской культуры, нельзя не отмѣтить, напр., религіозности англо-саксонской расы, которая сохранилась и до нашихъ дней, причемъ она перенесена англосаксами и за океанъ, и въ Новую Зеландію, и въ С. Штаты. Еще въ самое повѣйшее время Англія переживала сильное религіозное движеніе, извѣстное подъ именемъ уэльскаго возрожденія (*welsh revival*), среди уэльскихъ углекоповъ, составляющихъ одну изъ наиболѣе крѣпкихъ рабочихъ организацій. Газеты приносили вѣсти о пѣніи гимновъ и богослуженіи подъ землей при необыкновенномъ религіозномъ возбужденіи среди населенія, такъ что невольно вспоминаются мучительно страстные слова Митеньки Карамазова о гимнѣ изъ подъ земли. „И тогда мы, подземные человеки, запоемъ изъ нѣдръ земли трагическій гимнъ Богу, у котораго радость! Да здравствуетъ Богъ и Его радость!“

Самое замѣчательное въ этой англо-саксонской религіозности это то, что она не является только простонародной, каково по преимуществу наше русское благочестіе, и не разсматривается англійской интеллигенціей какъ „религіозные предрасудки“. Проф. Шульце-Геверницъ говоритъ въ своемъ новѣйшемъ трудѣ*), что „религія и до сихъ поръ есть нервъ англо-саксонской культуры“. „Внѣшніе факты,—продолжаетъ нѣмецкій экономистъ,—подтверждаютъ это континентальному туристу на каждомъ шагѣ. До сихъ поръ воскресенье кладетъ еще свою печать на всю страну. На-ряду съ духовенствомъ всюду выступаютъ свѣтскіе проповѣдники: врачи, юристы, возжаки рабочихъ не только въ закрытыхъ молельняхъ, но и по преимуществу на открытомъ воздухѣ, напр., въ паркахъ большихъ городовъ, въ которыхъ въ качествѣ кафедръ употребляются экипажи или тумбы. Здѣсь ѣдетъ по странѣ миссіонерскій вагонъ, покрытый изреченіями изъ Библии и дающій пріютъ странствующимъ проповѣдникамъ, тамъ сестры милосердія проникаютъ въ винныя лавки и берлоги преступниковъ, являясь носительницами „агрессивнаго христіанства“. Мостовыя кишатъ солдатами „арміи спасенія“ и т. д. и т. д. Руководящіе умы націи, ея духовные вожди, раздѣляютъ въ большей или меньшей степени эту національную религіозность. Знаменитые государственные дѣятели Англіи Дизраэли (лордъ Биконсфильдъ) и Гладстонъ были ревностными христіанами и ежедневными читателями Библии. Гладстонъ, перу котораго принадлежитъ сочиненіе „Незыблемая скала Священнаго Писанія“, какъ извѣстно, любилъ выступать проповѣдникомъ въ Гаварденѣ, и вообще высказывалъ такое убѣжденіе (въ письмахъ къ женѣ): „я убѣжденъ, что благополучіе человѣчества теперь не зависитъ отъ политики, дѣйствительная борьба ведется въ области мысли, въ которой происходитъ убійственная атака противъ величайшаго сокровища человѣчества, вѣры въ Бога и Евангеліе Христа“. И недавній премьеръ Англіи Артуръ Бальфуръ тоже написалъ книгу въ защиту христіанскаго ученія подъ заглавіемъ „Основы вѣры“. Мнѣ достаточно только напомнить далѣе имена Рескина и Карлейля, у которыхъ нельзя ничего понять, не принимая во вниманіе ихъ исключительной религіозности, такъ наз. христіанскихъ социалистовъ: Кингсли, Людлоу, Мориса и др., вплоть до теперешняго лондонскаго епископа Ингрэма и т. д. и т. д. Конечно, нельзя сказать, чтобы и Англія осталась чужда тому разрушительному движенію, которое появилось въ новое время. Въ кузницѣ англійской мысли и науки были выкованы едва

*) *G. v. Schulze-Güvernitz*: „Britischer Imperialismus und englischer Freihandel zu Beginn des swanzigsten Jahrhunderts“. Leipzig, 1906.

ли не злѣйшіе и не сильнѣйшіе аргументы противъ религіи. Гоббсъ и Юмъ, Бентамъ и по своему понятій Дарвинъ и Бэконъ вмѣстѣ съ другими мыслителями оказали свое вліяніе, но, можетъ быть, въ большей степени на континентѣ, нежели у себя дома. Тѣмъ не менѣе и въ Англіи тотъ духъ времени, о которомъ я сказалъ, начинается чувствоваться все сильнѣе, но еще сильнѣе проявился онъ на европейскомъ континентѣ, особенно въ нѣкоторыхъ странахъ и въ отдѣльныя эпохи, напр., во Франціи во время великой французской революціи, да въ значительной степени и теперь, въ протестантской части Германіи и т. д. Но все же можно сказать, что ни въ одной странѣ въ Европѣ интеллигенція не знаетъ такого повальнаго массоваго индифферентизма къ религіи, какъ наша. Въ исторіи русской мысли сыздавна обозначились и борются до сихъ поръ два теченія: одно насчитываетъ на своей сторонѣ немногихъ представителей (разумѣемъ среди интеллигенціи), но зато въ этомъ числѣ цвѣтъ нашего національнаго ума и генія, предметъ нашей національной славы и гордости. Это тѣ, которые остались духовно съ народомъ въ его мужицкой церкви, и во всякомъ случаѣ не отдѣлялись отъ него въ его вѣрованіяхъ въ живого Бога. Въ числѣ этихъ немногихъ мы считаемъ: Жуковскаго, Пушкина, Тютчева, въ извѣстномъ смыслѣ Лермонтова, Гоголя, Хомякова, Кирѣевскаго, Чаадаева, Аксаковыхъ, В. Соловьева, Достоевскаго, Пирогова, А. Толстого, даже Некрасова и Льва Толстого, насколько онъ вообще стоитъ на религіозной почвѣ.

Противорелигіозное идейное теченіе, считающее въ своихъ рядахъ большинство прогрессивныхъ публицистовъ и общественныхъ дѣятелей отъ Бѣлинскаго до нашихъ дней, усвоило себѣ раціоналистически-атеистическое міровоззрѣніе, которое широкой волной разлилось и составляетъ господствующую вѣру русской интеллигенціи. Я не обмолвился: это невѣріе есть дѣйствительно вѣра, вѣра въ научность, раціонализмъ, въ невѣріе. Масса нашей интеллигенціи съ необыкновенной легкостью въ самый ранній періодъ развитія ума, въ отроческій или юношескій возрастъ принимаетъ догматику атеизма, усвоивъ ей предикатъ научности. Не разъ замѣчено, что предубѣжденіе больше удалено отъ истины, чѣмъ полное незнаніе. Относительно религіи у насъ существуетъ наслѣдственный предразсудокъ, что здѣсь нѣтъ даже вопроса, ибо наука и философія исключаютъ религію. Подобное мнѣніе можетъ объясняться только полнымъ незнакомствомъ съ научной и философской работой, которая кипѣла и кипитъ до настоящаго дня по вопросамъ исторіи и философіи религіи, ея догмы, культа съ нескончаемыми и по существу, понятно, безконечными спорами

объ этихъ вопросахъ. Повторяю, наше русское невѣріе обычно остается на уровнѣ слѣпой, наивной вѣры. Эту особенность русскаго духовнаго развитія, имѣющую свои историческія и бытовыя причины, съ обычной своей проникательностью указалъ Достоевскій, сдѣлавшій русскій, да и міровой атеизмъ какъ бы своей спеціальностью. Достоевскій влагаетъ въ уста князю Мышкину (въ „Идіотѣ“), своему alter ego, слѣдующую его характеристику: „атеистомъ же такъ легко сдѣлаться русскому человѣку, легче чѣмъ всѣмъ остальнымъ во всемъ мірѣ. И наши не просто становятся атеистами, а непременно увѣруютъ въ атеизмъ, какъ бы въ новую вѣру, никакъ не замѣчая, что увѣровали въ нуль“ и, прибавляетъ Достоевскій, происходитъ это „не все вѣдь отъ однихъ скверныхъ, тщеславныхъ чувствъ, а и изъ боли духовной, изъ жажды духовной, изъ тоски по высшему дѣлу, по крѣпкому берегу“.

Много разъ задумываясь надъ двоящимся и доселе неразгаданнымъ и неопредѣлившимся обликомъ русской интеллигенціи, я обращался мыслью къ этому тезису о религіозной ея тоскѣ, о жадѣ крѣпкаго берега, праведной жизни, новаго неба и новой земли. И если нельзя было иногда не усумниться въ правильности этой характеристики, то нельзя отъ нея и отказаться. И во второй Государственной Думѣ, въ раскаленной атмосферѣ политическихъ страстей, прислушиваясь и присматриваясь вокругъ себя и слясь разгадать подлинную природу русской интеллигенціи, иногда я ясно видѣлъ, какъ въ сущности далеко отъ политики въ собственномъ смыслѣ, т.-е. повседневной прозаической работы починки и смазки государственнаго механизма, отстоятъ эти люди. Это психологія не политиковъ, расчетливыхъ реалистовъ и постепенцевъ, это нетерпѣливая экзальтированность людей, ждущихъ осуществленія Царствія Божія на землѣ, Новаго Іерусалима чуть ли не завтра. Невольно вспоминаются анабаптисты и многіе другіе коммунистическіе сектанты средневѣковья, апокалиптики и хилиасты, ждавшіе скораго наступленія тысячелѣтнаго царства Христова и расчищавшіе для него дорогу мечомъ, народнымъ возстаніемъ, коммунистическими экспериментами, крестьянскими войнами, вспоминается Іоаннъ Лейденскій со свитой пророковъ и остальныхъ осажденныхъ въ Мюнстерѣ... Конечно, сходство это касается лишь психологіи, а не идей. Въ области же идейной, хорошо это или плохо, счастье или несчастье для насъ, но Россія отражаетъ идеи и настроенія вѣка рѣшительнѣе и прямолинейнѣе, чѣмъ даже Западъ, отражаетъ на себѣ и ту міровую духовную драму богоборчества и богоотступленія, составляющую нервъ новой исторіи, передъ чѣмъ блѣднѣютъ и отступаютъ на задній планъ всѣ великіе политическіе и соці-